

НАУКА О ЛИТЕРАТУРЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КЛАССИКА: ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО ОБЗОРА ЮБИЛЕЙНОЙ ГОНЧАРОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Кирилл Зубков
(С.-Петербург)

Юбилей И. А. Гончарова в 2012 г. привлек к себе необыкновенное внимание. Достаточно сравнить масштаб и количество юбилейных гончаровских мероприятий – статей и передач в СМИ, театральных постановок и проч. (см.: Романова 2013: 277–285) – с тем, как отмечалось состоявшееся в том же году и почти не замеченное 200-летие А. И. Герцена. Наука о литературе сыграла значительную роль в гончаровских торжествах: к 200-летию писателя было выпущено сразу несколько монографий и сборников и подборки статей в ведущих журналах, занимающихся публикацией историко-литературных исследований. При этом герценовский юбилей, в полном соответствии с масштабом официальных мероприятий, для исследователей прошел почти незаметно.

Мы попытаемся проанализировать некоторые из вышедших к гончаровскому юбилею работ о писателе. Целью нашего критического обзора станет не только анализ собственно работ о Гончарове: мы предполагаем, что наши выводы будут до некоторой степени актуальны для состояния науки о литературе и в других областях, в особенности касающихся истории русской литературы середины XIX в. Мы сосредоточим внимание на общих чертах, объединяющих работы о Гончарове, выполненные на самом разном уровне. С нашей точки зрения, эти черты обращают на себя внимание, и наличие их в очень разных по исследовательским установкам и качеству работах значимо для современной науки о литературе.

Причина пристального внимания исследователей – изменение статуса Гончарова и его творчества в русской культуре. Еще несколько десятилетий назад творчество создателя «Обломова» было

исключено из школьной программы; разборы его произведений часто сопровождались оговорками, ограничивающими его значение или актуальность: «Творчество Гончарова как художника не только было безраздельно отдано крепостнической России, но и принесло свои плоды по преимуществу в годы, когда она еще продолжала существовать. Вот почему нельзя сопоставлять во времени произведения Гончарова с романами Л. Н. Толстого или Достоевского ...» (Цейтлин 1950: 14). Постепенно формулировалась и другая версия, согласно которой место Гончарова в литературном пантеоне необычайно высоко. Так, в 4-томной «Истории русской литературы» написанная Л. М. Лотман глава о Гончарове начиналась с утверждения соизмеримости творчества Гончарова с наиболее значительными русскими писателями: «Его [Гончарова] имя неизменно называлось рядом с именами корифеев литературы второй половины XIX в., мастеров, создавших классические русские романы, – И. Тургенева, Л. Толстого, Ф. Достоевского» (Лотман 1982: 160). Таким образом, место Гончарова в литературном каноне было далеко не однозначно.

Проблема постепенной канонизации Гончарова и становления его репутации как национального классика заслуживает отдельного и внимательного изучения. По всей видимости, значительную роль в нем сыграли носители «почвеннических» литературных взглядов (см. об их деятельности: Митрохин 2003), в конце 1970-х гг. увидевшие в противопоставлении Обломова Штольцу возможность выразить свою высокую оценку русского национального характера. Апологию Гончарова, написанную с этих позиций, содержит, например, биография писателя в серии «Жизнь замечательных людей», написанная Ю. М. Лощицем (см.: Лощиц 1977). К настоящему моменту несомненно, что Гончаров стал восприниматься как классик первостепенной величины. Уже давно вернувшийся в школьную программу, с неизбежностью представленный в любом вузовском курсе истории литературы, привлекающий внимание современных писателей¹, писатель вошел в пантеон русской клас-

¹ Ср., например, известную пьесу М. Угарова «Облом off» (2002).

сики. Интересные соображения на интересующую нас тему можно найти и в эпилоге к работе Е. А. Краснощековой, впервые опубликованной в 1997 г.: «Гончаров, кажется, дождался своего часа: во всем мире он, наконец, был введен в круг великих авторов русской литературы. Внимание к нему среди специалистов было явно подпитано двумя недавними юбилеями (столетним со дня смерти и стовосьмидесятилетним со дня рождения), а также подготовкой к изданию первого Академического Собрания сочинений (Институт Русской литературы РАН (Пушкинский Дом)). <...> [Е]сть основания для осторожного оптимизма относительно гончаровистики в следующем столетии» (Краснощекова 2012: 464; ср.: Краснощекова 1997: 442). Теперь, после очередного юбилея, можно сказать, что в отношении признания Гончарова классиком трудно надеяться на большее, чем уже сделано.

Функции науки о литературе в такой ситуации представляются очевидными: она должна предоставить полный и комментированный корпус текстов писателя и дать представление о том, каково, собственно говоря, значение произведений классика. Первую задачу решает академическое «Полное собрание сочинений и писем И. А. Гончарова». Вторая же задача требует не только появления издания – пусть академического, – но и работ, посвященных проблемам поэтики и интерпретации произведений Гончарова. Такие работы за последние двадцать лет выходят все чаще и чаще. Произведения уже однозначно вошедшего в национальный классический пантеон писателя требуется осмыслить именно в качестве классических – в этом смысле современная ситуация с Гончаровым напоминает пушкинский праздник 1880 г. (см., например: Левитт 1994).

Высокий статус писателя заявлен в статье В. А. Недзвецкого: «<...> один из великих творцов и новаторов мирового *социально-универсального* (или *экзистенциального*) романа, Иван Александрович Гончаров давно и по праву занимает подобающее ему место в ряду таких “*вечных спутников*” (Д. Мережковский) культурного человечества, как Данте, Сервантес, Шекспир, Гете, Байрон, Бальзак, Флобер, Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский»

(Недзвецкий 2012б: 22)². Схожие сравнения использует и В. И. Мельник: «Чем далее, тем становится яснее, что перед нами поистине великий, мирового масштаба художник слова и мыслитель, которого еще некоторые из современников не зря сравнивали с Гомером и Гете» (Мельник 2012а: 8). Как мы постараемся показать ниже, сходные представления типичны для большинства исследователей Гончарова, хотя прямо и не высказываются ими.

При включении классика в литературный канон один из наиболее очевидных ходов – установить репрезентативность писателя как носителя и/или выразителя ценностей определенной общественной группы. Именно такой подход активно применялся во время посвященных канону дебатов в американской критике, положивших начало активному изучению канонизации (см.: Гронас 2001: 8–11; Guillory 1993: 3–19). В современных условиях, однако, проблема репрезентативности ни одним из исследователей не ставится. В этом отношении показательно сопоставление современных работ с несколько более ранними. Лоциц, например, был склонен представлять Гончарова как выразителя «русского» мирозерцания, причем этому мировоззрению чужды отрицательные, с точки зрения исследователя, персонажи, выражающие ценности либерального Запада: Штольц, по мнению Лоцица, отзывающийся о России «не очень по-русски» (Лоциц 1977: 179), и «новая женщина» Ольга, разрывающая с национальной традицией. В 1990-е гг. схожую концепцию Обломова как сугубо русского национального архетипа построил в своих работах В. Н. Криволапов. Представляющая «новых» женщин, «сколько не появится их в последующие десятилетия» (Криволапов 2000: 163), Ольга оценивается им как человек не до конца русский, в отличие от Агафьи Матвеевны, которая «гораздо глубже, чем Ольга, укоренена в пластах национального предания» (Криволапов 2000: 166). Обломов, в глазах исследователя, является представителем подлинно средневекового русского мировоззрения, которое Криволапов противопоставляет идеализму русской интеллигенции.

² Курсив В. А. Недзвецкого. Ср. схожий ряд великих писателей, сопоставляемых с Гончаровым тем же исследователем: Недзвецкий 2012а: 180.

Юбилейные работы о Гончарове показывают, что «репрезентативная» трактовка Гончарова как выразителя идеалов русской нации, православных людей или какой бы то ни было еще социальной группы становится все менее и менее актуальной. Недзвецкий хотя и констатирует национальную важность образа Обломова, но отдает предпочтение универсальному значению гончаровских образов – недаром склад характера Обломова исследователь объясняет не воспитанием в Обломовке, а особенностями человеческой природы вообще (см.: Недзвецкий 2012а: 89–90). С религиозными интерпретациями творчества и личности Гончарова принципиально спорит В. И. Холкин: «Религиозное поведение Гончарова было обычным и за рамки принятого в обществе отправления православного культа <...> не выходившим» (Холкин 2012: 134). А. В. Романова пишет, что «православные» интерпретаторы Гончарова «торопятся описать свои находки, не соотнося их с многолетней традицией анализа романа Гончарова как художественного произведения и зачастую противореча элементарной логике» (Романова 2011: 251). Отрицание репрезентативной теории не сопровождается введением новой: в отличие от многих работ конца XX века, в юбилейных исследованиях Гончаров более не представляет русскую нацию и православие, однако не вполне ясно, что же он представляет.

Относится это и к биографии Гончарова, написанной Мельником (см.: Мельник 2012а). Исследователь склонен объяснять художественные особенности творчества Гончарова его религиозными убеждениями, однако у Мельника гончаровское православие противопоставлено разве что нигилизму 1860-х гг. В своих книгах, посвященных связям произведений Гончарова с литературной традицией (см.: Мельник 2012б; Мельник 2012в), Мельник утверждает, что православие было лишь одним из истоков гончаровской картины мира, наряду, например, с просветительством – тезис, которого явно бы не поддержали Лощиц или Криволапов. О Гончарове в аспекте репрезентативности пишет и П. П. Алексеев, постоянно повторяя тезис о принадлежности Гончарова к «православной традиции» (Алексеев 2012: 69), которая,

однако, столь расплывчато определена, что не наполняется никаким позитивным содержанием.

Другая важная черта работ о Гончарове – их эклектизм. Разумеется, не может идти речь о строгой методологии у эссеистической работы Холкина: несоответствие нормам строгой научности не может считаться недостатком работы, которая не претендует на эту научность. У других исследователей известная доля эклектичности в методологии отрефлектирована и осмыслена. Такова работа М. В. Отрадина, использующего в своем исследовании сопоставления, принципиально не поддающиеся верификации традиционными академическими методами – можно привести в качестве примера сопоставление финала «Обломова» с финалом «Гамлета», где Штольц играет роль Горацио (см.: Отрадин 2012б: 157–161). Целью автора является истолкование произведения, которое само по себе является гарантом осмысленности любых приемов: под «литературным контекстом» Отрадин имеет в виду «как литературные параллели и ассоциации, напрямую заявленные или поддержанные авторской интенцией, так и параллели не столь явные и обязательные, но, как кажется, уместные и продуктивные» (Отрадин 2012б: 40).

Схожие принципы организуют и подборки статей в журналах и сборниках: любой подход к произведению кажется редакторам и составителям уместным, если раскрывает это произведение с новой и неожиданной стороны. В результате под обложкой, например, сборника «Обломов: Константы и переменные» можно обнаружить и строгие историко-литературные исследования (см., например: Балакин 2011: 119–123), и сложные анализы мотивной структуры романа (см.: Ларин 2011: 107–115), с точки зрения традиционного академизма выглядящие недостаточно обоснованными, и культурологические работы (см.: Котельников 2011: 69–84). Совершенно та же ситуация характерна и для вышедшего в Венгрии сборника работ о Гончарове, где сочетаются методы в диапазоне от нарратологии (см.: Ковач 2012: 124–159) до традиционного историко-литературного комментирования (см.: Калинина 2012: 405–415). Такое построение сборников показательны для современного

состояния изучения творчества Гончарова и литературоведения в целом. Методологический эклектизм в рамках одной книги был немислим в науке о литературе 1920-х гг., когда метод – будь то «формализм» или, например, социологический подход В. Ф. Переверзева – воспринимался как залог научной истины. Теперь же единственным источником истины оказывается само по себе художественное произведение, содержащее в себе «мудрость самой жизни» (Отрадин 2012б: 168). Это подчеркивается и в заметке от редакции сборника «Обломов: константы и переменные», для составителей которого принципиально было «многообразие методов, точек зрения, подходов, интерпретаций, вряд ли уместное в монографии – даже и в коллективной» (От редколлегии 2011: 9).

Ярким исключением остается монография венгерской исследовательницы Ангелики Молнар «Поэзия прозы в творчестве Гончарова» (Молнар 2012). Уже само ее название, отсылающее к книге Вольфа Шмида (см.: Шмид 1994; ср.: Шмид 1998), свидетельствует об активном применении в работе современных методов нарративного анализа, основанных на едином комплексе взглядов на природу текста. В работе Молнар проза Гончарова прочитана на основе элементов, накладывающихся поверх фабулы: метанарративных фрагментов, метафорических структур, элементов «орнаментальной прозы» – эквивалентностей между отдельными словами и мотивами. С одной стороны, такой подход позволяет обращать внимание на крайне неочевидные особенности гончаровского творчества; с другой стороны, зачастую следование методу играет с исследовательницей злую шутку. Примером неудачных результатов методологии Молнар может служить, например, произвольное сопоставление лодки, на которой в «Обыкновенной истории» плывет Александр Адуев, с символами неясной судьбы героя в романтической прозе (см.: Молнар 2012: 97). Очевидно, именно выбор мотивного анализа как методологии приводит к стремлению чрезмерно семантизировать отдельные элементы структуры текста. К числу несомненных удач следует отнести, например, анализ диалога Штольца и «литератора» в финале «Обломова» как поиск жанра для будущего произведения

об Обломове или анализ письма Обломова в метанарративном контексте (см.: Молнар 2012: 146–152, 283–291). Так или иначе, последовательная методология делает работу Молнар необычной на фоне отечественных монографий о Гончарове, вышедших в юбилейный год. Можно также выделить несколько статей, авторы которых используют строгую методологию анализа текста, однако общее их число незначительно (см., например: Рипинская 2012: 438–451; Фаустов 2012–2013: 5–22).

В целом, из работ современных исследователей остается неясным, представителем какой общественной группы оказывается Гончаров и каким методом должно изучаться его творчество. В отечественной традиции, как критической, так и литературоведческой, существует крайне влиятельный подход, согласно которому классическое произведение искусства и не должно поддаваться рациональному познанию и выражать точку зрения строго определенной общественной группы. Искусство само по себе выражает иррациональную истину жизни. Представление о классическом произведении как явлении, стоящем превыше любых социальных противоречий, должно быть возведено к понятию «классика», которое в данном случае более применимо, чем представление о репрезентирующем социальные группы каноне: «<...> становление идеи литературной классики в новоевропейской культуре связано с формированием универсалистских, секуляризированных представлений о мире и человеке – понятий универсального разума, всеобщей природы, всемирной истории» (Дубин, Зоркая 2010: 25). Этот восходящий к В. Г. Белинскому комплекс представлений о природе подлинного искусства был подробно описан в работе Виктора Терраса (см.: Terras 1974), согласно мнению которого, истинно художественное произведение естественно развивается на почве эпохи и нации. Взаимосвязь между отдельными произведениями национальной литературы трактуется как преемственность: некое сходство должно наблюдаться между художественными произведениями разных эпох в силу самой их художественности, которая лежит вне времени.

Именно такая, говоря упрощенно, «шеллингианская» концепция литературного произведения используется и современными исследователями творчества Гончарова. Исследователей по преимуществу интересуют в произведениях писателя не новаторские приемы на языковом уровне, не социальные отношения автора и его читателей, а выражение универсальных проблем. Если содержание романов Гончарова можно интерпретировать как вечно актуальное, то его репутация как классика, по мнению пишущих о нем авторов, не подлежит сомнению. Универсальность понимается исследователями, с одной стороны, как невыразимость в понятийном языке, а с другой стороны, как возможность на основании анализа произведения делать выводы относительно тех или иных универсальных вопросов.

Первая из указанных черт в работах о Гончарове просто бросается в глаза. Утверждения о непостижимости гончаровского искусства встречаются в работах о писателе постоянно; более того, раскрытие этой непостижимости исследователи склонны ставить себе целью. Отрадин, например, рассматривает литературный контекст «Обыкновенной истории», стремясь показать, как осуществляется в романе преодоление «схематизма, заданного развертыванием рационалистических форм познания» (Отрадин 2012б: 39). К эффектному ходу прибегает Краснощекова, прямо указывая на ограниченность собственного «избирательного подхода», который она сама называет подчас провокативным, тем самым подчеркивая возможность и других прочтений прозы Гончарова (см.: Краснощекова 2012: 10).

Одновременно исследователи творчества Гончарова стремятся усмотреть в его произведениях универсальную, «общечеловеческую» проблематику. Отрадин рассматривает произведения Гончарова как историю о положении идеалиста и идеала в земном мире, Краснощекова – как описание социальных проблем взросления как отдельного человека, так и общества или нации в целом, Нездвецкий – как поиск подлинно гармоничной личности. Когда сталкиваются разные варианты трактовки одного и того же эпизода или произведения, исследователи обычно склонны отдавать предпочтение тому из них, который выглядит наиболее глубоким. Так,

Недзвецкий максимально универсализирует описанную в финале «Обломова» сцену, где Ольга выражает неудовлетворенность совместной жизнью со Штольцем, – по мнению исследователя, Ольга была недовольна невозможностью вечной жизни на земле (см.: Недзвецкий 2012а: 143–152). К выводам о логически непостижимом смысле произведений Гончарова приходят даже ученые, проводящие строго формальный анализ текста. Наиболее впечатляюще в данном случае выглядит статья Арпада Ковача, в которой анализ нарративных структур и эстетических категорий, задействованных в романе «Обломов», приводит к обобщающему выводу: «Опыт любви, пропущенный Гончаровым сквозь “хрусталь” романного дискурса, свидетельствует, несомненно, об онтологическом обосновании жизни и неисчерпаемого потенциала ее смысла» (Ковач 2012: 159).

Собственно поэтика Гончарова, его роль в историко-литературном процессе, идеология писателя, за немногочисленными исключениями, рассматриваются исследователями лишь постольку, поскольку могут служить средством к поиску вневременного смысла его произведений. Именно по этой причине, судя по всему, тематический и проблемный репертуар юбилейных работ крайне узок. А. И. Рейтблат писал: «Когда листаешь пухлые указатели пушкинианы, возникает впечатление, что исследователи поражены странной слепотой: уделяя пристальное внимание одним темам, они в упор не видят других, не менее, а может быть, и более значимых. Тысячи книг и статей посвящены мельчайшим деталям пушкинской биографии, каталогизации мест, где он был, и людей, с которыми он встречался; в тысячах работ интерпретируются его произведения, характеризуется их поэтика и мир идей, выявляются творческие связи с отечественными и зарубежными литераторами и т. д.» (Рейтблат 2001: 204). Хотя тематика работ о Пушкине показалась исследователю узкой, на фоне гончаровской библиографии она очень разнообразна.

Исследователей интересуют по преимуществу те аспекты творчества писателя, которые позволяют продемонстрировать неоднозначность его творчества. Речь идет о таких вопросах, как точка зрения повествователя (почти все обращающиеся к этой

теме ученые обращают особое внимание на ее двойственность и сложность – см.: Ковач 2012: 124–159; Молнар 2012; Отрадин 2012б; Рёриг 2012: 184–195); функции отдельных символических мотивов (в юбилейной библиографии можно найти работы и о таких общеизвестных гончаровских образах, как халат или сирень, и, например, о мотиве пьянства в «Обломове» – см.: Ларин 2012: 213–229); образы отдельных героев, с трудом поддающихся однозначной оценке (от Обломова и Штольца до Милитрисы Кирбитьевны – см.: Гродецкая 2012: 34–39). Исследователи творчества Гончарова высказывают при этом очень разные мнения: Недзвецкий, Краснощекова и, отчасти, Мельник склонны считать Штольца воплощением авторского идеала, тогда как Отрадин и Холкин – воплощением образа жизни, в глазах автора равнозначного обломовскому. Однако все до единого авторы, писавшие о Штольце, отказываются с традицией трактовки его образа как поданного сугубо иронически. Именно это позволяет им трактовать Гончарова как абсолютно объективного художника.

Показать всеобщую значимость творчества Гончарова призваны и многочисленные статьи о рецепции его произведений в литературах разных стран, о переводах, о постановках, экранизациях и иллюстрациях к его романам (см.: Штембергер 2012: 261–283; Бишицки 2011: 219–225; 2012; Холкин 2011: 253–261; Холкин 2012; Войводич 2012: 342–353; Денисенко 2011: 262–271). Именно проблемам рецепции посвящена одна из наиболее интересных гончаровских публикаций юбилейного года – сборник работ русских эмигрантов о Гончарове «Мастер русского романа», составленный и подготовленный к печати сотрудниками Российского государственного архива литературы и искусства (Мастер русского романа 2012)³. Изучение рецепции Гончарова призвано продемонстрировать, что творчество писателя вызывает интерес в разные времена и эпохи. Примечательно, что исследователи сосредоточились исключительно

³ Ср. также интересное издание, построенное на подборе подчас взаимоисключающих мнений о Гончарове его современников: Гончаров без глянца 2013, а также: Гончаров в воспоминаниях современников 2012.

на «элитарной» культуре, практически игнорируя восприятие Гончарова массовым читателем.

Еще один важный аспект изучения творчества Гончарова – анализ литературного контекста его произведений. Внимание здесь обращается на смысловые связи произведений Гончарова с сочинениями других классиков (сюжетных ходах, близких образах героев, идеях) или с известными произведениями литературной беллетристики, такими как произведения А. А. Марлинского. Разумеется, постоянно подчеркивается, что сам Гончаров с беллетристами несравним – лишь его герои испытывают влияние беллетристических литературных клише. Другой пример – работа Краснощековой, автор которой ищет предшественников Гончарова в русской и западноевропейской литературной традиции и не пытается найти авторов, от творчества которых Гончаров отталкивался. Даже констатируя полную противоположность картин воспитания Обломова, с одной стороны, и педагогического идеала Ж.-Ж. Руссо, с другой, Краснощекова в итоге приходит к выводу, что Гончаров придерживается тех же взглядов на воспитание, однако изображает не педагогический идеал, а его противоположность: «Если роман Руссо написан о том, как следует воспитывать ребенка, чтобы он вырос, сохраняя в себе дары Творца, то Гончаров показывает, как не надо воспитывать ребенка, поскольку при неправильном воспитании он лишается этих даров» (Краснощекова 2012: 275).

Целью исследователей становится также указание на то, что Гончаров как бы всегда присутствовал в некоей неизменной традиции русской литературы. Наиболее ярким примером здесь могут стать работы Мельника, который стремится показать связь сочинений Гончарова с текстами русского фольклора, древнерусской литературы, литературы XVIII в., произведениями Пушкина, Лермонтова и др. В итоге исследование Мельника создает образ писателя, который наследует традиции всей русской классической словесности, ничего не отвергая. При этом вопросы о связях гончаровского творчества с литературной беллетристикой его времени даже не ставятся. Закономерным выводом из книги Мель-

ника оказывается такое суждение: «Гончаров уравнивает и гармонически сочетает в своих текстах казалось бы совершенно противоположные принципы анализа жизненных явлений: Античность и Православие, позитивную науку и безусловную веру, народное мирозерцание и философские идеи» (Мельник 2012б: 315).

Количественное преобладание работ, посвященных указанным проблемам, над другими исследованиями просто колоссально. Большая часть исключений – работы, связанные с деятельностью комментаторов произведений писателя, которые, однако, в силу своего частного характера, не могут немедленно оказать серьезное влияние на интерпретаторов Гончарова. Исследования, посвященные многим аспектам поэтики писателя, его роли в историко-литературном процессе, связям его произведений с массовой культурой, их бытованию в социальной среде, находятся в абсолютном меньшинстве. Одним из последствий этого является обилие повторов в работах исследователей. Ситуация подчас выглядит комично: рядом с посвященной мотиву кваса в «Обломове» заметкой С. А. Васильевой (см.: Васильева 2012: 208–212) помещена статья С. А. Ларина, ссылающегося на собственную недавнюю работу, посвященную тому же самому мотиву, очевидно, совершенно маргинальному для гончаровского романа (см.: Ларин 2012: 219; ссылка на: Ларин 2009: 149–158). Холкин пишет о связи «Обломова» с традицией романа воспитания (см.: Холкин 2012: 20), не упоминая о фундаментальных исследованиях Краснощековой, посвященных связи гончаровского творчества с этим жанром (Краснощекова 1997: 221–356; Краснощекова 2012: 233–374). Повторим: речь ни в коем случае не идет о недобросовестности ученых. Узкий круг тем, к которым обращаются исследователи произведений Гончарова, с неизбежностью приводит к повторам. В одном сборнике были впервые напечатаны две работы о Гончарове, авторы которых рассмотрели его очерки путешествия «Фрегат Паллада» с одной и той же точки зрения: в обеих статьях речь идет о сочетании различных позиций в образе рассказчика и о вызванной этим сложности в определении категорий «своего» и «чужого», которые постоянно двоятся (Отрадин 2012а: 469–476; Троян 2012: 494–

500). Никакими заимствованиями такое сходство объяснить невозможно: общие представления о природе творчества Гончарова предопределили сходства работ исследователей.

В случае Гончарова органицистские представления о классике вполне соответствуют предмету изучения: эстетические принципы самого писателя восходят к тем же шеллингианским истокам (см.: Постнов 1997). Для изучения творчества Гончарова это совпадение оказалось полезным. Однако нетрудно представить себе, какие трудности могут встать перед учеными, если они столкнутся с писателем, который порывает с органицистскими принципами. К таким авторам относится, например, Герцен, в котором со времен Белинского принято видеть художника, оперирующего преимущественно не образами, а идеями. С современными представлениями о классическом произведении Герцен не может быть проанализирован в качестве одной из ключевых фигур литературного пантеона и вынужден играть ту же промежуточную роль, что играл Гончаров несколькими десятилетиями ранее. Еще больше проблем возникает в связи с литературой XX в., в которой существует колоссальная масса произведений, созданных в рамках непривычной эстетической модели. Отождествление одного из возможных эстетических принципов с эстетикой классического произведения приводит не к утверждению, а к разрушению национальной классики, которая не может более выполнять свою основную функцию: «Подобное проективное образование позволяет каждый раз представлять соответствующим образом конструируемую историю направленным, упорядоченным и осмысленным целым, устанавливая перманентную связь между традиционными и новыми значениями в литературной культуре и осуществляя их “перевод друг на друга”» (Дубин, Зоркая 2010: 29).

Исследователи, столкнувшись с кризисом обобщающих историко-литературных концепций, предпочитают более к этим глобальным теориям не обращаться. Однако само представление о национальной классике опирается именно на историзм; через историю литературы осуществлялась традиционно и легитимация новых классиков (см., например: Лану 2001: 35–67). В органицист-

ской теории классика – не конструкт, создаваемый критиками, учеными и преподавателями, а реально существующее образование, присутствующее в традиции национальной литературы. Однако к описанию этой традиции исследователи обращаются редко, привлекая отдельные ее элементы для сопоставления с произведениями Гончарова. Если же Гончаров и сопоставляется со своими предшественниками и последователями, ученые склонны подчеркивать сходство и преемственность даже самых далеких друг от друга произведений (см.: Маршалова 2012: 388–393) – иными словами, выделять неизменность традиции, не принимая во внимание многочисленных трансформаций и разрывов, постоянно в ней происходящих. Та же тенденция заметна и в желании доказать внутреннюю близость сочинений всех вошедших в классический пантеон авторов – даже Гончарова и Достоевского (см.: Акимова 2012: 364–373; Черюкина 2012: 354–363). В большинстве случаев исследователи не пытаются обосновать такой подход или хотя бы обозначить его специфику, очевидную, например, на фоне формалистской концепции «литературной эволюции», которая предполагает как раз поиск разрывов в традиции⁴. В итоге ни понятие классики, ни роль собственных работ в создании этого понятия обычно не входят в зону исследовательской рефлексии, а связь между традицией и современностью чаще констатируется, чем описывается. Современные представления о классических достоинствах произведений Гончарова опрокидываются в прошлое; в итоге получается, что Гончаров не стал классиком в результате требующих внимательного изучения культурных и социальных процессов, а изначально был им. Мельник утверждает, например, что после выхода в свет «Обыкновенной истории» «солидная литературная репутация Гончарова никогда не подвергалась ни малейшему сомнению» (Мельник 2012а: 3) – совершенно забывая, например, о крайне резкой критике, которой был встречен «Обрыв» (см.: Гуськов 2012а: 80–89; Гуськов 2012б: 279–286). Клас-

⁴ Значимое исключение – работа А. Ю. Сорочана, который констатирует во «Фрегате Палладе» «разрыв ... с предшествующей литературой путешествий ...» – Сорочан 2012: 206.

сика в представлении исследователей становится явлением вне-историческим.

Судя по состоянию посвященных Гончарову исследований, можно поставить вопрос, не переживает ли кризис само понятие классической литературы. Если такой кризис хотя бы отчасти имеет место, попробуем его охарактеризовать. Истоки этого кризиса в российских условиях, на наш взгляд, совершенно не похожи на причины полемики о литературном каноне в США. В российской науке о литературе XIX в. произошло не отрефлексированное отождествление наиболее популярной некогда эстетической доктрины с содержанием понятия «классическая литература». Существует определенная опасность, что результатом такого кризиса может стать малая востребованность литературоведческих работ обществом, для которого не представляет интереса либо классика в ее традиционном понимании, либо сама наука о литературе. В самом деле, классическая литература, какой выглядят в современных исследованиях произведения Гончарова, воспринимается либо как неактуальная, либо как наделенная всей мыслимой, универсальной полнотой значений. В первом случае изучать классику не требуется, поскольку она не нужна никому; во втором случае, для ее понимания требуется не наука о литературе с ее сложными методами верификации выводов, а восторженное описание. В любом случае, дальнейшие пути развития литературоведения, связывающего себя со сложившимся представлением о классике, могут, при дальнейшем развитии обозначенных нами тенденций, оказаться опасными. Каково бы ни было индивидуальное мастерство отдельных исследователей в изучении отдельных писателей, – не ставит ли современная ситуация с понятием «классика» под вопрос смысл существования самой науки о литературе? Ответ, по всей видимости, может быть связан с последовательной историзацией самого понятия «классика»⁵ и связанных с ним эстетических категорий, однако обсуждение этого вопроса выходит за рамки настоящей статьи.

⁵ На русском материале, помимо упомянутых выше работ, см. яркую попытку анализировать механизмы и результаты вхождения поэтических текстов в школьные хрестоматии: Вдовин, Лейбов 2013: 7–34.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акимова Н. В. 2012. К вопросу о типологической близости образов Обломова и Мышкина. – Материалы V Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения. С. 364–373.
- Алексеев П. П. 2012. Нравственный потенциал произведений И. А. Гончарова. Ульяновск: [б. и.]
- Балакин А. Ю. 2011. Обломов до «Обломова». – Обломов: Константы и переменные. Сборник научных статей / Сост. С. В. Денисенко. СПб.: Нестор-История. С. 119–123.
- Бишицки В. 2011. «За границу!» Несколько слов с дороги, или Как мы отправились в путь с Ильей Ильичом, вопреки его сопротивлению. Заметки переводчика. – Обломов: Константы и переменные. Сборник научных статей / Сост. С. В. Денисенко. СПб.: Нестор-История. С. 219–225.
- Бишицки В. 2012. Вместе с Обломовым в 21-й век (О восприятии нового перевода «Обломова» в Германии и других немецкоязычных странах). – Гончаров: Живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely: Nyugat-Magyarországi egyetem kiadó. С. 379–384.
- Васильева С. А. 2012. Квас как символ русской жизни в романе И. А. Гончарова «Обломов». – Гончаров: Живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely: Nyugat-Magyarországi egyetem kiadó. С. 208–212.
- Вдовин А., Лейбов Р. 2013. Хрестоматийные тексты: Русская поэзия и школьная практика XIX века. – Acta Slavica Estonica. [Вып.] IV. Хрестоматийные тексты: Русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту: University of Tartu Press. С. 7–34.
- Войводич Я. 2012. Телесные элементы в экранизации фильма Н. Михалкова «Несколько дней из жизни И. И. Обломова». – Гончаров: Живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely: Nyugat-Magyarországi egyetem kiadó. С. 342–353.
- Гончаров без глянца 2013. Гончаров без глянца / Сост., вступительная ст. П. Фокина. СПб.: Амфора.
- И. А. Гончаров в воспоминаниях современников 2012. И. А. Гончаров в воспоминаниях современников: 2-е изд., расширенное и дополненное / Сост. О. А. Демиховская, Е. К. Демиховская. Ульяновск: Регион-Инвест.

- Гродецкая А. Г. 2012. Милитриса Кирбитьевна в «Обломове», или Об органично противоречивом в поэтике Гончарова. – Русская литература. № 2. С. 34–39.
- Гронас М. 2011. Диссенсус: Война за канон в американской академии 80-х–90-х годов. – Новое литературное обозрение. № 5 (51). С. 6–18.
- Гуськов С. Н. 2012а. Полемика, которой не было (из истории критики романа «Обрыв»). – Русская литература. № 2. С. 80–89.
- Гуськов С. Н. 2012б. Почему был обруган «Обрыв»? (О некоторых причинах негативной критической рецепции романа). – Материалы V Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения. С. 279–286.
- Денисенко С. В. 2011. Российские иллюстрации к «Обломову». – Обломов: Константы и переменные. Сборник научных статей / Сост. С. В. Денисенко. СПб.: Нестор-История. С. 262–271.
- Дубин Б. В., Зоркая Н. А. 2010. Идея «классики» и ее социальные функции. – Дубин Б. В. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М.: Новое литературное обозрение. С. 9–42.
- Калинина Н. В. 2012. Из комментария к роману «Обрыв»: Художник Райский. – Гончаров: Живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely: Nyugat-Magyarországi egyetem kiadó. С. 405–415.
- Ковач А. 2012. «Живое согласие» (Смысловый масштаб симпатии в романе «Обломов»). – Гончаров: Живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely: Nyugat-Magyarországi egyetem kiadó. С. 124–159.
- Котельников В. А. 2011. «Вечно женское» как жизненная и творческая тема Гончарова. – Обломов: Константы и переменные. Сборник научных статей / Сост. С. В. Денисенко. СПб.: Нестор-История. С. 69–84.
- Краснощекова Е. А. 2012. И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд.
- Краснощекова Е. А. 1997. И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд.
- Криволапов В. Н. 2000. «Типы» и «Идеалы» Ивана Гончарова. Курск: Издательство Курского государственного педагогического института.
- Лану А. 2001. Формирование литературного канона русского романтизма: На материале учебников и историй литературы (1822–1862) / Пер. с

- английского С. Силаковой. – Новое литературное обозрение. № 5 (51). С. 35–67.
- Ларин С. А. 2009. «И сон, и квас, и русская речь...» (К функции гастрономической семантики в романе И. А. Гончарова «Обломов»). – Аспекты литературной антропологии и характерологии: Сборник статей к 85-летию проф. Б. Т. Удодова. Воронеж: О. Ю. Алейников. С. 149–158.
- Ларин С. А. 2011. «А ты зачем чашку-то разбил?» (О «гончарной» символике в романе Гончарова «Обломов»). – Обломов: Константы и переменные. Сборник научных статей / Сост. С. В. Денисенко. СПб.: Нестор-История. С. 107–115.
- Ларин С. А. 2012. «Нарушение воли» (К функции алкогольных мотивов в романе И. А. Гончарова «Обломов»). – Гончаров: Живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely: Nyugat-Magyarországi egyetem kiadó. С. 213–229.
- Левитт М. Ч. 1994. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб.: Академический проект.
- Лотман Л. М. 1982. И. А. Гончаров. – История русской литературы: В 4-х тт. Т. 3: Расцвет реализма. Л.: Наука. С. 160–202.
- Лошиц Ю. М. 1977. Гончаров. М.: Молодая гвардия.
- Маршалова И. О. 2012. «Юрдивые науки ради» в романах «Обрыв» И. А. Гончарова и «Москва» А. Белого. – Материалы V Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения. С. 388–393.
- Мастер русского романа 2012. Мастер русского романа: И. А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья. Сборник докладов и материалов. М.: Центр книги Рудомино.
- Мельник В. И. 2012а. Гончаров. М.: Вече.
- Мельник В. И. 2012б. И. А. Гончаров в контексте русской и мировой литературы. М.: ГАСК.
- Мельник В. И. 2012в. Этюды о Гончарове. Ульяновск: Регион-Инвест.
- Митрохин Н. 2003. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение.
- Молнар А. 2012. Поэзия прозы в творчестве Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения.
- Недзвецкий В. А. 2012а. Роман И. А. Гончарова «Обломов». Ульяновск: Регион-Инвест.

- Недзвецкий В. А. 2012б. Слово о И. А. Гончарове – Гончаров: Гончаров: Живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely: Nyugat-Magyarországi egyetem kiadó. С. 10–22.
- От редколлегии 2011. От редколлегии. – Обломов: Константы и переменные. Сборник научных статей / Сост. С. В. Денисенко. СПб.: Нестор-История. С. 9.
- Отрадин М. В. 2012а. Между «созерцанием» и «действием»: Повествование в книге И. А. Гончарова «Фрегат "Паллада"». – Гончаров: Живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely: Nyugat-Magyarországi egyetem kiadó. С. 469–476.
- Отрадин М. В. 2012б. «На пороге как бы двойного бытия...»: О творчестве И. А. Гончарова и его современников. СПб.: Филологический факультет СПбГУ.
- Постнов О. Г. 1997. Эстетика И. А. Гончарова. Новосибирск: Наука.
- Рейтблат А. И. 2001. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение.
- Рёриг Э. 2012. Нарративные модусы любви в одном из отрывков романа Гончарова «Обломов». – Гончаров: Живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely: Nyugat-Magyarországi egyetem kiadó. С. 184–195.
- Рипинская Е. В. 2012. Мотивная структура романа: Символическая интеграция vs семантическая дифференциация (И. А. Гончаров. «Обрыв»). – Гончаров: Живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely: Nyugat-Magyarországi egyetem kiadó. С. 438–451.
- Романова А. В. 2011. «Обломов» с акцентом. – Обломов: Константы и переменные. Сборник научных статей / Сост. С. В. Денисенко. СПб.: Нестор-История. С. 235–252.
- Романова А. В. 2013. Конференции, посвященные 200-летию Гончарова. – Русская литература. № 2. С. 277–285.
- Сорочан А. Ю. 2012. Гончаров и литература путешествий. – Материалы V Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения. С. 204–212.
- Троян А. 2012. Южный крест или небольшие четыре звезды? (Несколько замечаний к «Фрегату "Палладе"» И. А. Гончарова). – Гончаров: Живая

- перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely: Nyugat-Magyarországi egyetem kiadó. С. 494–500.
- Фаустов А. А. 2012–2013. «Теперь или никогда»: Заметки о гончаровской характерологии. – Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 31. С. 5–22.
- Холкин В. И. 2011. Театр для себя (Два романа Гончарова. Сценическая вероятность). – Обломов: Константы и переменные. Сборник научных статей / Сост. С. В. Денисенко. СПб.: Нестор-История. С. 253–261.
- Холкин В. [И.] 2012. Илья Обломов: Жизнь вопреки... Ульяновск: Областная типография «Печатный двор».
- Цейтлин А. Г. 1950. И. А. Гончаров. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Черюкина Г. Л. 2012. И. А. Гончаров и Ф. М. Достоевский: литературный диалог о человеке. – Материалы V Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения. С. 354–363.
- Шмид В. 1994. Проза как поэзия: Статьи о повествовании в русской литературе. СПб.: Академический проект.
- Шмид В. 1998. Проза как поэзия: Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард. 2-е изд., исправленное, расширенное. СПб.: ИНАПРЕСС.
- Штембергер М. 2012. Обломов в Париже: Метаморфозы персонажа во французской литературе 1920-х годов. – Гончаров: Живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely: Nyugat-Magyarországi egyetem kiadó. С. 261–283.
- Guillory, J. 1993. Cultural Capital: The Problem of Literary Canon Formation. Chicago: University of Chicago Press.
- Terras, V. 1974. Belinskij and Russian Literary Criticism: The Heritage of Organic Aesthetics. Madison: University of Wisconsin Press.